

В. В. ВАНЧУГОВ

Значение Ф. М. Достоевского для русской философии

<Фрагменты>

Альфред Норт Уайтхед как-то заметил, что «наиболее правдоподобная общая характеристика европейской философской традиции состоит в том, что она представляет собой серию примечаний к Платону, имея в виду богатство общих идей, которые разбросаны в его сочинениях»*. Перефразируя А. Н. Уайтхеда, можно смело сказать, что наиболее правдоподобная общая характеристика русской философской традиции XX века состоит в том, что она представляет собой серию примечаний к Достоевскому, имея в виду богатство общих идей, которые разбросаны в его сочинениях. Конечно же, далеко не все философы в России придерживались этой традиции. Например, часть «философов» принимала участие в составлении примечаний к Марксу-Энгельсу-Сталину-Ленину. Но не они определяют лицо русской философии.

<...>

После смерти Достоевского Вл. Соловьев предупредил его почитателей, что на Достоевского нельзя смотреть как на обыкновенного романиста, как на талантливого и умного литератора. В Достоевском есть нечто большее, и «это большее составляет его отличительную особенность и объясняет его действие на других»**. Особенность Достоевского состояла, по мнению Соловьева, в том, что он являлся «предтечей нового религиозного искусства».

В. В. Розанов в 1891 г. в «Легенде о Великом Инквизиторе» относительно «Записок из подполья» Достоевского заметил, что чтение их «невольнo вызывает мысль о необходимости у нас комментированных изданий, комментированных не со стороны формы и генезиса литературных произведений, как это уже есть, но со стороны их содержания и смысла, — для того, чтобы решить наконец вопрос: верна ли

* Уайтхед А. Н. Избранные работы. М., 1990. С. 32.

** Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 291.

данная мысль или она ложна и почему? И решить это совокупными усилиями, решить обстоятельно и строго, как это доступно только для науки. Например, «Записки из подполья» важны каждой своей строкою, их невозможно почти свести к общим формулам; и вместе утверждения, которые в них высказаны, нельзя оставить без обсуждения никакому мыслящему человеку»*. <...>

Специалист по «медленному чтению» Ф. М. Достоевского Георгий Мейер полагал, что он да Ремизов справедливо видят в Достоевском «не философа и психолога, как это ныне по печальному недоразумению принято думать, а, прежде и после всего, величайшего художника, писателя высших реальностей»**. Но что такое «художник высших реальностей»? — «Реалистический роман изображает земной трехмерный мир людских характеров и природы, тогда как романы Достоевского никого и ничего не изображают, а раскрывают тайны человеческого духа и, познавая их, касаются миров иных». А философия, по мнению Г. Мейера, обречена на абстракции. «Она возводит вокруг и по поводу существования религии и искусства свое очередное отвлеченное построение, но не в силах приобщиться к ним, стать их живущим отражением».

Г. Флоровский в «Путях русского богословия» (Париж, 1937) заметил, что в историю русской философии Достоевский входит не потому, что он построил философскую систему (что мало кому на Руси удавалось), но потому, что он «широко раздвинул и углубил самый *метафизический опыт*... Достоевский больше показывает, чем доказывает» (С. 300).

В. В. Зеньковский в первом томе своей «Истории русской философии» (Париж, 1948) считает, что Достоевский принадлежит столько же литературе, сколько и философии. Это проявляется в том, что он «доныне вдохновляет философскую мысль. Комментаторы Достоевского продолжают реконструировать его идеи, — и самое разнообразие этих комментариев зависит не от какой-либо неясности у Достоевского в выражении его идеи, а, наоборот, от сложности и глубины их. Конечно, Достоевский не является философом в обычном банальном смысле слова, — у него нет ни одного чисто-философского сочинения. Он мыслит как художник, — диалектика идей воплощается у него в столкновениях и встречах различных “героев”... Во всяком случае, Достоевский принадлежит русской — и даже больше — мировой философии»***.

* Розанов В. В. Несовместимые контрасты жития. М., 1990. С. 68–69.

** Мейер Г. Свет в ночи (о «Преступлении и наказании»): Опыт медленного чтения. Франкфурт-на-Майне, 1967. С. 16.

*** Цит. по изд.: Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 220. См. также: Зеньковский В. В. Гоголь и Достоевский // О Достоевском: Сб. ст. под ред. А. Л. Бема). Прага, 1929. Т. 1; Федор Павлович Карамазов // Там же. Т. 2.

Н. А. Бердяев признавался, что Достоевский сыграл в его духовной жизни определяющую роль. «Он потряс мою душу более, чем кто-либо из писателей и мыслителей... очень ранняя направленность моего сознания на философские вопросы была связана с «проклятыми вопросами» Достоевского. Каждый раз, когда я перечитывал Достоевского, он открывался мне все с новых и новых сторон»*.

«Достоевский — национальный философ России», таким определением начал свою книгу «Система свободы Ф. М. Достоевского» (1923) А. З. Штейнберг, а в недавно опубликованных «Записках по русской философии» Л. Савельева (1993) великого писателя именуют «вершиной национальной философии»...

Философ В. И. Ильин (1891–1974), отмечая гениальный дар художественной прозы Ф. М. Достоевского, полагал также, что этот писатель обладал «громадным богословско-метафизическим дарованием» («Литературоведение и критика до и после революции», с. 252). «Грандиозность богословско-метафизического дара, вообще говоря — мирового мыслительства (мыслительство о Боге и мире), была у Достоевского так непомерно велика, что она вполне поглотила и с избытком покрыла некоторые пробелы в его школьной богословско-метафизической эрудиции и сделала то, что Достоевский столько же принадлежит художественной литературе, как и богословию с метафизикой» (С. 252). <...>

В 1989 г. в Москве возникло «Литературно-философское общество имени Ф. М. Достоевского». Как заявил А. В. Гулыга, это общество ставит своей задачей «изучение и популяризацию русской философии, родоначальником и вершиной которой можно считать Достоевского. Речь идет не о философии в России, она была и до великого писателя, а о специфически национальной философии, начало которой положили Достоевский и Вл. Соловьев»**.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: в романах Достоевского уже содержится вся современная русская философия (с конца XIX в. по настоящее время). Поэтому совершенно оправданным — и более того — насущно необходимым представляется издание собрания сочинений Ф. М. Достоевского с комментариями, основу которых составили бы труды отечественных философов. <...>

* Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. Париж, 1968 («Предисловие»).

** Литературная учеба. М., 1989.